

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
25 (88)

КУЛЬТУРА
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ДРЕВНЕГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1974

РЕЦЕНЗИИ

Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. «Наука», М., Главная редакция восточной литературы, 1971, 190 с.

Выход в свет сборника статей «Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока» — важное событие в истории советской исторической науки. Участвующие в нем авторы (В. Н. Никифоров, Ю. В. Качановский, А. Г. Крымов, И. М. Дьяконов, Г. Ф. Ильин) поставили перед собой задачу — подвести некоторые итоги дискуссии 40—60-х годов о так называемом «азиатском способе производства» в марксистской историографии (нельзя не высказать недоумения по поводу отсутствия в сборнике специальной статьи, посвященной обсуждению этого вопроса в советской науке) и показать читателю современное состояние вопроса.

Открывающая сборник статья В. Н. Никифорова «К. Маркс и Ф. Энгельс об азиатском способе производства» (с. 3—44) исследует развитие взглядов основоположников марксизма на эту проблему. Автор стремится четко отграничить в их огромном научном наследии от итоговых для них и основополагающих для историка-марксиста выводов частные гипотезы и предположения, обусловленные современным К. Марксу и Ф. Энгельсу состоянием науки, — гипотезы, от которых они отказывались по мере накопления фактического материала.

В. Н. Никифоров убедительно показал, что именно такой гипотезой была теория «азиатского способа производства». Она сложилась как попытка материалистически истолковать коренное отличие Востока от Запада (представление, общепринятое в первой половине и середине XIX в.) принципиальным отличием восточных производственных отношений от европейских (отсутствием частной собственности на землю). Обращение к рукописи «Формы, предшествующие капиталистическому производству» позволило В. Н. Никифорову проследить ход мыслей К. Маркса, который уже до 1879 г. сближал «азиатский способ производства» с рабовладением. После выхода в свет исследований А. Гакстаузена и Г. Маурера, продемонстрировавших существование сельской общины в России и Германии, так называемая «азиатская» форма общества уже потеряла право называться азиатской. Дальнейшее движение творческой мысли К. Маркса (в 1879—1884 гг.), а вместе с ним и Ф. Энгельса привело их от теории «азиатского способа производства» к учению о первобытнообщинном строе.

Важнейший вывод из статьи В. Н. Никифорова заключается в том, что по мере накопления фактического материала К. Маркс и Ф. Энгельс отказались от теории «азиатского способа производства». Очевидно, ее возрождение могло бы быть оправдано только открытием новых данных, которые подтвердили бы точку зрения, отвергнутую в конце концов классиками марксизма. Между тем этого не произошло.

Ю. В. Качановский в статье «Дискуссия об азиатском способе производства на страницах зарубежной печати» (с. 45—94) отмечает, что ее участники руководствовались желанием противопоставить марксистское понимание «азиатского способа производства» тому его истолкованию, которое пытаются обосновать враги марксизма (и тут же обоснованно подчеркивает, что «фальсификация антикоммунистами высказываний К. Маркса об азиатском способе производства не может послужить причиной ни признания, ни отклонения этого понятия марксистами»), стремлением преодолеть догматизм в изучении докапиталистических обществ (так называемую «пятичленную схему»), изучением предпосылок современных общественно-исторических процессов в Африке, Азии и Латинской Америке, наконец, накоплением фактического материала, который, как полагают, не укладывается в традиционные представления о рабовладельческой и феодальной формациях. Участники дискуссии, как показал Ю. В. Качановский, полагали, что ответы на вопросы, вставшие перед марксистской историографией, можно найти, включив в марксистско-ленинское учение о формациях понятие «азиатского способа производства». В связи с этим большое внимание было уделено общетеоретическим проблемам.

Из обзора Ю. В. Качановского очевидно, что у самих нынешних сторонников теории «азиатского способа производства» возникли сомнения, была ли она неотъемлемой составной частью учения К. Маркса и Ф. Энгельса об общественных формациях, что логика обсуждения проблемы привела их к мысли об отсутствии единой общечеловеческой истории, о принципиально различных путях развития Востока и Запада и что (это особенно существенно) оказалось очень трудно обнаружить общества, в которых господствовал бы «азиатский способ производства». Описывались общества на стадии перехода от бесклассового общества к классовому, но убедительно показать, что они соответствуют модели «азиатского способа производства», не удалось. Что же касается Китая, в котором даже видели классический пример «азиатского способа производства», то предложенные описания (Ф. Тёкеи) показали, что этот «азиатский способ производства» похож на феодализм, в том числе европейский. Ю. В. Качановский обоснованно отмечает у сторонников концепции «азиатского способа производства» «неодогматизм» — стремление подогнать под эту модель все общества Азии, Африки и Америки от разложения первобытнообщинного строя до капитализма.

Дискуссию по поводу «азиатского способа производства», несмотря на все сказанное, Ю. В. Качановский считает полезной: она вызвала появление работ по сложным и малоисследованным проблемам докапиталистических формаций. Сторонники данной концепции поставили проблему общего и особенного в развитии Запада и Востока, настаивая на том, чтобы было учтено конкретное своеобразие неевропейских обществ. Мы не можем согласиться с этой оценкой. Работы, посвященные важнейшим проблемам истории докапиталистических формаций, создавались и создаются вне прямой связи с дискуссией, по мере накопления и исследования конкретно-исторического материала; вся марксистская историография — тому свидетельство. Необходимость учитывать конкретное своеобразие изучаемой страны — требование к исследовательской работе настолько элементарное, что видеть заслугу дискуссии об «азиатском способе производства» в его провозглашении по меньшей мере странно. Что же касается проблемы общего и особенного в историческом развитии Востока и Запада, то она существует столько времени, сколько существует историческая наука вообще. Между тем из обстоятельнейшего обзора Ю. В. Качановского очевидно, что по сути дела дискуссия об «азиатском способе производства» оказалась бесплодной. Анализ и обобщение накопленного к настоящему

времени материала шли и идут путем, который указан К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным.

К двум предыдущим статьям примыкает исследование А. Г. Крымова «Дискуссия о докапиталистических отношениях в Китае в 20—30-х годах» (с. 95—126). Автор подробно излагает историю обсуждения в китайской научно-исследовательской и публицистической литературе вопроса о системе «цзин тянь», после чего переходит к вопросу о современном общественном строе Китая, а также останавливается на японских дискуссиях о периодизации истории Китая. К сожалению, подробно излагая различные точки зрения, автор не ставит вопроса о том, каковы современные результаты исследования названных им проблем, насколько их решение соответствует известному в настоящее время фактическому материалу. Тем не менее из статьи А. Г. Крымова очевидно, что при обсуждении проблем китайской истории участники дискуссий должны были основываться либо на концепции рабовладения, либо на концепции феодализма, но отнюдь не «азиатского способа производства».

В статье И. М. Дьяконова «Основные черты древнего общества» (с. 127—146) кратко излагаются результаты исследования древних западноазиатских обществ в советской исторической науке. Свое изложение он начинает с вопроса о характере собственности и показывает, что теория верховной собственности государя на всю землю в государстве противоречит и известным в настоящее время фактам, и современным научным представлениям о собственности и суверенитете. Вывод, что любое древнее государство, каким бы ни было его политико-административное устройство, обладало собственностью не на все вообще, а только на государственные земли, представляется бесспорным. Наряду с государственным в древних государствах существовал общинный (с точки зрения собственности) или частный (по типу ведения хозяйства), т. е. негосударственный, сектор.

Нам представляется заслуживающим особого рассмотрения тезис И. М. Дьяконова, согласно которому полной частной [собственности древность, как правило, не знает. Он указывает, что правомочия частных лиц могли осуществляться исключительно в рамках членства в той или иной общинной структуре и что община в любой момент могла предъявить свое право собственника на землю. Этот тезис нуждается в дополнениях: а) община по своему усмотрению могла допустить нечлена общины к приобретению собственности и к осуществлению собственности; б) община эволюционировала из общины-собственника в общину собственников, соответствующие ее права на землю превращались из собственности в суверенные.

В статье И. М. Дьяконова прослеживается эволюция обоих секторов — государственного и общинного. Особенно важными кажутся его соображения по поводу становления храмово-городских общин в I тыс. до н. э., которые возникают как единая организация бывших общинников и бывших государственных служащих (чье хозяйство присоединяется к храму, срастающемуся с городской общиной). В I тыс. им противостоит новый государственный земельный фонд, населенный неполноправными земледельцами.

Обращаясь к классовому и социальному составу древних обществ Западной Азии, И. М. Дьяконов отмечает, что типичным эксплуатируемым лицом здесь был раб, хотя подневольному трудящемуся нет необходимости быть рабом (т. е., очевидно, нет необходимости, чтобы подневольный трудящийся был рабом). Общим для всех эксплуатируемых является при преимущественно внеэкономическом характере эксплуатации отсутствие собственности на основные средства производства; превращение эксплуатируемого в юридическую собственность владельца средств произ-

водства есть частный случай внеэкономического принуждения, хотя рабство являлось оптимальной и типичной формой эксплуатации. Рабство накладывало свой отпечаток на всю жизнь общества, в том числе и на его идеологию. И. М. Дьяконов подчеркивает далее, что фактически в древней Западной Азии эксплуатировались не только рабы (а иногда и в большинстве не рабы, последние главным образом в домашнем хозяйстве), но и патриархально зависимые лица, должники, царские или государственные работники. Всех их И. М. Дьяконов объединяет под названием «древних подневольных людей рабского типа», в которых он видит один из двух антагонистических классов древнего общества, лишенный собственности на средства производства и эксплуатируемый внеэкономическим путем. Массу населения общин составляло, по мысли И. М. Дьяконова, свободное гражданство — пережиток всей массы населения первобытного общества, — которое отделяет от себя, с одной стороны, группу, входящую в состав господствующего класса, с другой — в состав эксплуатируемого. Только оно обладало гражданскими правами и в принципе не подвергалось эксплуатации.

Заключают статью замечания И. М. Дьяконова о различных путях развития отдельных регионов в древности, а также о стадиях развития. Наиболее характерными чертами древних обществ И. М. Дьяконов считает: 1) сочетание государственной собственности на землю и другие средства производства с частной собственностью членов определенных общин — гражданских коллективов; 2) широкое распространение свободного труда полноправных граждан-собственников наряду с эксплуатацией лиц, лишенных собственности на средства производства и принуждаемых к труду прямым внеэкономическим насилием.

Все эти выводы И. М. Дьяконова, подводящие итог длительного развития марксистской науки о древнем Ближнем Востоке и обобщающие огромный накопленный и изученный к настоящему времени фактический материал, позволяют присоединиться к нему, когда он говорит, что все древние классовые общества в целом представляли собой типологическое единство, конкретно существовавшее, однако, лишь в разнообразии многих путей развития. Очевидно, при таких обстоятельствах проблема «азиатского способа производства» сама собой снимается, а понятие «рабовладельческого общества» наполняется новым содержанием, соответствующим нынешнему уровню исследования. Сохранение термина «рабовладельческий» при всех оговорках кажется оправданным, поскольку, как обоснованно отмечает И. М. Дьяконов, для данной общественно-экономической формации эксплуатация рабов была оптимальным и соответственно типичным способом эксплуатации непосредственных производителей вообще.

Тем не менее мы не можем полностью согласиться с И. М. Дьяконовым, когда он всех эксплуатируемых (рабов, патриархально зависимых, должников, царских или государственных работников) объединяет в одну категорию «древних подневольных людей рабского типа». Здесь все же оказывается смешанной зависимостью различного типа: положение патриархально зависимых членов семьи (свободных, связанных кровным родством и имеющих право на имущество, принадлежащее данному коллективу; не случайно, по-видимому, в деловой документации вплоть до сер. I тыс. до н. э. оговаривался в той или иной форме отказ членов семьи от владельческих прав на отчуждаемое имущество, а это значит, что без их согласия домовладыка не мог данным имуществом распоряжаться) и рабов, трудящихся на одном и том же поле, в одном и том же хозяйстве. Из них только последние — эксплуатируемые, тогда как первые трудятся в своем хозяйстве, в интересах всего своего «дома». Весьма не прост и вопрос о царских работниках. Сам И. М. Дьяконов говорит

о ситуациях, в которых царские работники рабами не считались и потому, в частности, не могли быть проданы или куплены.

К сожалению, в статье И. М. Дьяконова полностью обойдена проблема эксплуатации свободных наемных работников. Между тем ее рассмотрение показало бы, что эксплуатируемыми в древних обществах могли быть как лица, принадлежавшие к сословию рабов, т. е. лично зависимых, так и лица, принадлежавшие к сословию свободных, но лишенные средств производства. Соответственно усложняется представление и о размытии массы свободных — процесс, значение которого И. М. Дьяков так ярко раскрыл.

Заключает сборник статья Г. Ф. Ильина «Классовый характер древнеиндийского общества» (с. 147—189). Первый вопрос, на котором Г. Ф. Ильин концентрирует свое внимание, — проблема феодальных отношений в древней Индии. Показав существование в Индии частной собственности на землю, он подчеркивает, что наличие жалованного землевладения (кормления за службу) само по себе не свидетельствует о развитии феодальных экономических отношений; речь идет о плате за службу, о передаче в виде жалованья части государственных доходов. Только в первые века н. э. появляются пожалования безусловные и вечные, иммунитет и т. д., т. е. феодализм возникает в период поздней древности (I—V вв.). Г. Ф. Ильин обоснованно отказывается считать поземельные налоги признаком феодальных отношений, а древнюю Индию — феодальной страной. Присоединяясь к этому выводу, мы хотели бы все-таки заметить, что жалованное (за службу) землевладение — один из важнейших истоков и элементов феодализации (которая может и не иметь места в данной конкретной ситуации), обстоятельство, которому Г. Ф. Ильин не придает, как нам кажется, должного значения. Другой вопрос, о котором идет речь в статье Г. Ф. Ильина, — проблема «азиатского способа производства» в древней Индии. Исходя из черт последнего, сформулированных Е. С. Варгой, Г. Ф. Ильин показывает, что 1) утверждение, будто в древнеиндийском обществе господствовало искусственное орошение, бездоказательно; 2) положение, что важнейшей функцией государства было строительство ирригационных систем, к Индии неприменимо; 3) в Индии государство не было монопольным собственником земли (здесь имелись и пережитки племенной, и частная собственность на землю); 4) земледельцы-общинники не были в Индии эксплуатируемым классом, а наличие общины прослеживается как на Востоке, так и на Западе; 5) деспотическая монархия в древней Индии стала типичной формой государства только к концу древности (в древней Индии прослеживается и существование республик). Останавливается Г. Ф. Ильин и на основных проблемах рабовладельческого общества. В этой связи очень интересно его наблюдение, что не только рабы в рабовладельческих обществах древности, но и пролетариат в эпоху буржуазных революций в Англии и Франции и даже в эпоху пролетарской революции в России составляли меньшинство населения. Очевидно, дело не в соотношении цифровых показателей, а в общественной роли данной формы производственных отношений. Не обязательно, чтобы труд рабов вытеснил труд свободных. Важно, что отношения между рабами и рабовладельцами определяют все стороны жизни государства и общества (к этому близка и позиция И. М. Дьяконова). Г. Ф. Ильин обоснованно отмечает неизбежные различия в положении рабов, что, однако, не отражается на главном: на том, что раб — всегда собственность. Мы, правда, не думаем, что во всех жизненных ситуациях раб был только средством производства, «говорящим орудием»: ведь известны и рабы-эксплуататоры, и фактические собственники. Точно так же далеко не всегда рабовладелец мог убить раба. Но, как бы то ни было, весь собранный Г. Ф. Ильиным конкретный материал

показывает, что доминирующими, определяющими лицо общества формами отношений были рабовладельческие.

В целом сборник «Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока» подводит итоги дискуссии о так называемом «азиатском способе производства» и показывает направление плодотворной научной разработки проблем социально-экономической истории древнего и средневекового Востока.

И. Ш. Шифман,

История Иранского государства и культуры (сборник статей к 2500-летию Иранского государства). «Наука», М., 1971, 350 стр. + 4 л. вкл.

Этот сборник, составленный из работ видных советских историков, археологов и филологов, по замыслу редакторов, должен дать общее представление о различных направлениях изучения истории и культуры древнего Ирана в нашей стране, а также о достижениях советской науки в этих областях иранистики. Можно сразу сказать, что эту задачу сборник прекрасно выполняет.

Сборник открывается статьей Б. Г. Гафурова «К 2500-летию Иранского государства». Характеризуя развитие производительных сил, социальных отношений, системы управления, культуры и искусства Ирана в ахеменидский период, Б. Г. Гафуров дает высокую оценку той роли, которую сыграли политические институты и культурные достижения ахеменидского Ирана в историческом и культурном развитии народов Средней Азии и Закавказья. Автор отмечает и огромный вклад народов этих стран в возникновение и формирование иранской государственности и культуры. В заключение Б. Г. Гафуров обращает внимание читателей на длительные и богатые традиции, которые имеет в нашей стране изучение истории, культуры, искусства и языков Ирана, — традиции, получившие дальнейшее развитие и расцвет в советское время.

Прекрасными иллюстрациями последнего положения Б. Г. Гафурова служат две последующие статьи: «Изучение памятников древнеиранской письменности в СССР (1917—1970) И. М. Оранского и «Изучение феодального общества Ирана в России и в СССР» И. П. Петрушевского. В статье И. М. Оранского изложение достижений советской иранистики систематизировано по разделам и подразделам, из которых последний («Письменные памятники с территории Средней Азии») представит, видимо, наибольший интерес, так как именно в этой области иранской филологии, возникшей в 30-х годах нашего века, советские ученые достигли значительных успехов. В примечаниях к статье И. М. Оранский приводит обширную библиографию, насчитывающую несколько сот названий.

Статья И. В. Пьянкова «Образование державы Ахеменидов, по данным античных источников» содержит анализ трех выделяемых автором версий историй о приходе Кира к власти, известных по произведениям античных авторов. Работы И. В. Пьянкова по истории древнего Ирана, основанные на глубоком знании античных источников, высоко ценятся историками и филологами-иранистами, которые не всегда в состоянии обращаться непосредственно к текстам античных авторов. Можно не сомневаться в том, что и эта статья И. В. Пьянкова, являясь сама по себе законченным исследованием, будет служить наравне с другими работами того же автора надежным и весьма основательным источником для дальнейших исследований и сопоставлений.